Проблема нехватки квалифицированных кадров в России стара как мир: еще адмирал Колчак, воюя против большевиков на Урале, жаловался, что на высоких постах, вплоть до министерских, он терпит людей, которые далеки от соответствия занимаемым должностям, и все потому, что заменить их некем.

О качестве экономического и финансового образования в России

Максим БУЕВ,
профессор по прикладным финансам имени банка Barclays, и. о. декана факультета экономики Европейского университета в Санкт-Петербурге

Сегодня же многие рекрутинговые компании, работающие на финансовый сектор в России, и сами представители финансовой индустрии в один голос твердят про низкое качество образования и невысокий уровень знаний в целом как у выпускников российских финансовых и экономических вузов, так и у менеджеров среднего звена. В последнем случае, если есть деньги, всегда поможет Лондон, откуда еще можно переманивать кадры, но кем заполнять позиции на так называемом entry point уровне? Разумеется, многие компании финансового сектора в любом случае обучают нанятых выпускников вузов на корпоративных программах graduate training, однако что-то надо делать с преподаванием экономики и финансов в высшей школе.

Тема качества отечественного высшего образования настолько популярна в последнее время, что в стороне не осталась даже всем известная Тина Канделаки. В своем мартовском посте в ЖЖ она, например, писала, что подтверждение качества отечественного диплома за границей требуется в том числе и потому, что русским студентам, «как правило, не хватает учебных часов, в итоге дисциплины приходится сдавать и пересдавать».

По моему мнению, однако, причины низкой котируемости российских дипломов вообще и дипломов в экономике и финансах в частности кроются отнюдь не в нехватке часов аудиторных занятий или неспособности отечественных преподавателей привить какие-либо фундаментальные знания. По формальным часам, проведенным в классе, средний российский студент даст огромную фору западным вузам. Однако при трудоустройстве на конкурентных рынках — таких, например, как финансовый — огромное значение имеет не только количество прослушанных курсов лекций или наличие у обладателя диплома вуза каких-то фундаментальных знаний в той или иной области, но также, при отсутствии этих знаний, умение независимо, самостоятельно восполнить пробел, эти самые знания получив.

Европейские и американские вузы, помимо всего прочего, учат студентов самостоятельной работе. Приведу такой пример: академический год на магистерской программе по экономике в Оксфорде длится три семестра по восемь недель каждый. Средняя аудиторная учебная

нагрузка на студента — 10 часов в неделю, то есть лишь два часа занятий в классе в день! Остальное время студенты должны работать самостоятельно в библиотеке. И они это делают денно и нощно — во многие библиотеки и лаборатории существует круглосуточный доступ.

В российской системе образования студентов, как правило, пичкают бесчисленным количеством курсов, не только не оставляя достаточного времени на самостоятельную работу, но и не побуждая их к этому. Студентам не прививают культуру независимого исследователя.

В итоге в тех специальностях, где без фундаментальных знаний далеко не уедешь и где эти знания — основное качество, которое ищут работодатели, можно выехать просто на количестве взятых курсов, и здесь наши дипломы вполне конкурентоспособны. Это и IT, и прикладная математика, и физика, и некоторые другие. Речь, конечно, идет о школах с признанными традициями в фундаментальном образовании.

В других же специальностях — в тех же финансах и банковском деле, — где фундаментальные знания не так важны, но важен общий подход к делу, умение схватывать на лету и учиться в процессе, наши студенты не котируются, поскольку российская система высшего образования в целом не дает таких навыков.

В свое время, читая лекции в Оксфорде, я встречал студентов первого курса экономического факультета, которым приходилось объяснять, что «число — черточка — число» — это на самом деле дробь. Общий уровень их мировоззрения тоже оставлял желать лучшего — некоторые, например, считали, что Монголия — это часть России. Однако по прошествии четырех лет оксфордская система, делающая упор на самостоятельную работу, делала из них конкурентоспособных выпускников с широким кругозором, которых с удовольствием возьмет на работу любой банк лондонского Сити. В их подготовке университет как будто следовал заповеди Э.-М. Ремарка, внушая студентам мысль о том, что «дураком не стыдно родиться, дураком стыдно умереть».

Помимо отсутствия стимулирования студента к самостоятельной работе, другая проблема нашего образования заключается в том, что именно преподают в сфере экономики и финансов. С одной стороны, складывается впечатление, что отечественные учебники по отдельным дисциплинам, даже недавно изданные — взять, например, ценообразование, — до сих пор вещают о предметах, актуальных если не для плановой экономики, то по крайней мере для экономики 1990-х — что было нужно лет двадцать назад. С другой стороны, хорошим учебникам на русском языке, написанным отечественными авторами, неоткуда взяться, поскольку зачастую преподавание в России смотрит на рынок и знания, которые он требует, сверху вниз.

Недавно я беседовал с Войцехом Харемзой, известным экономистом и профессором факультета экономики Лестерского университета (Великобритания), который хорошо знает как британскую, так и российскую систему высшего образования. По его мнению, одна из российских проблем заключается в том, что учителя высшей школы преподают не то, что надо студентам или рынку, а то, что хочется преподавателям, поскольку последние — как бы некоторая избранная каста и особо не заботятся о том, насколько актуальны даваемые ими знания.

По словам Харемзы, российские вузы, сосущие деньги из госбюджета и спонсоров, не привыкли к существованию, когда их собственный бюджет определяется главным образом количеством абитуриентов, нанятых на платной основе. При отсутствии настоящей борьбы за абитуриентов российские вузы не могут и не хотят быстро и гибко адаптировать свои программы под требования рынка, не работают тесно с компаниями частного сектора с целью четкого понимания их требований.

В Великобритании же конкуренция на рынке образования приводит к тому, что магистерские программы по новым направлениям открываются каждые 2-3 года. Вчера это были просто программы по финансовой экономике, сегодня это уже специализации с новыми курсами по когнитивной экономике, степени по количественным финансам или юриспруденции и финансам. Это, разумеется, повышает требования и к преподавателям: они сами должны уметь учиться на лету, готовясь к преподаваемому ими курсу одновременно со студентами.

Таким образом, в современном мире не только студенты должны обладать культурой и навыками независимого исследователя, но и преподаватели должны прочно для себя усвоить концепцию непрерывного образования, гибко реагируя на нужды рынка.

Однако в российской системе высшего образования в ее нынешнем виде сигналы рынка, далеко ушедшего вперед, до преподавателей доходят плохо. Это так, поскольку, с одной стороны, у нас не развита система стимулов и мотивации, порождаемая прямой конкуренцией и настоящей битвой за платящего абитуриента. С другой стороны, вузы душат ненужной волокитой, заставляя каждый факультет и преподавателя составлять массу положений, планов, регламентов и пр. Иначе невозможна государственная аккредитация вузовских программ и дипломов. Неудивительно, что в кулуарах прошедшего недавно Санкт-Петербургского экономического форума участники международного рандеву призывали Игоря Федюкина, недавно назначенного нового замминистра образования и науки РФ, известного своими реформистскими взглядами, лоббировать отмену системы аттестационных комиссий (ГАК и ВАК), аргументируя это тем, что вердикт о качестве диплома того или иного вуза должен выносить рынок.

Возвращаясь к примеру Оксфорда, замечу, что студенты, окончившие университет, могут вообще никогда не увидеть свой диплом: в старейшем университете англоязычного мира никому и в голову не приходит выписывать какую-то формальную бумагу. Вам напишут справку и пришлют грамоту, если того вдруг потребует работодатель. Но, как правило, этого не требуется: рынок слишком хорошо знает и сразу распознает качество оксфордского образования. У нас подобное пока невозможно. Есть некоторая надежда, однако, что с возрастающей мобильностью преподавательских кадров через границу в обоих направлениях ситуация начнет меняться. В сфере экономики и финансов возникают частные школы нового типа, такие, например, как РЭШ или ЕУСПб, да и новые государственные школы вроде ВШЭ уже известны рынку качеством своих дипломов. Все это, однако, ограничено рамками Москвы и Санкт-Петербурга. До массовой конкурентоспособности отечественного образования еще очень далеко.